

САРАТОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16 Декабря.

№ 24.

1869 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Въ память о покойномъ о. Протоіерей Г. И. Терсинскомъ.

Черезъ девять дней послѣ кончины о. Протоіерей Вознесенко—Горянской церкви, Дмитрія Акимовича Крылова, Саратовское градское духовенство понесло въ средѣ своей новую утрату: въ два часа ночи на 26-е сентября скончался, на 77 году отъ рожденія, на 53 году священническаго служенія, извѣстный всей епархіи своею долговременною, благословенною и истинно—пастырскою жизнью, о. Протоіерей Нерукотворенно—Спасской церкви г. Саратова, Григорій Никифоровичъ Терсинскій.

Сынъ священника села Терсы, Волгскаго уѣзда, Никифора Михайловича Богоявленскаго, наслѣдоваго этотъ приходъ послѣ своего родителя Михайла Иванова, покойный о. Протоіерей былъ пятьдесятъ лѣтъ священникомъ того же села Терсы. Но не путемъ образованія, а путемъ степеннаго и постепеннаго служенія церкви, покойный получилъ санъ священства. Родившись въ 1792 г. и получивъ домашнее, свойственное тому времени, образованіе, которое состояло, по большей части, въ умѣнны читать, писать и пѣть, покойный о. Протоіерей въ 1807 г., указомъ Пензен-

ской Духовной Консistoriи, опредѣленъ Хвалынскаго уѣзда въ село Елшанку, къ Архангельской церкви во дьячка: въ мартѣ мѣсяцѣ 1810 г. Преосвященнымъ Мочсеемъ, Пензенскимъ и Саратовскимъ, посвященъ въ стихарь; октября 13 дня 1814 г. Преосвященнымъ Афанасіемъ, епископомъ Пензенскимъ и Саратовскимъ, рукоположенъ въ діакона къ той же церкви: а въ 1816 году сентября 29 дня, тѣмъ же преосвященнымъ Афанасіемъ, рукоположенъ во священника Волгскаго уѣзда въ село Терсу, гдѣ и священствовалъ, какъ бы наслѣдственно послѣ дѣда и отца, до 1867 года. Въ этомъ году покойникъ, уже въ санѣ Протоіерея, перемѣщенъ изъ Терсы въ городъ Саратовъ, къ Нерукотворенно—Спасской, или Сергіевской церкви. Кромѣ священнической обязанности, покойный съ 1833 года по 1867 годъ былъ учителемъ въ своемъ селѣ, а съ 1847 года тоже по 1867 годъ былъ духовникомъ Волгскаго градскаго духовенства.

Епархіальное начальство цѣнило и отличало службу о. Протоіерея: въ 1836 году, Преосвященнымъ Іаковомъ, Епископомъ Саратовскимъ и Царицынскимъ, онъ награжденъ былъ набедренникомъ; въ 1851 г., за отлично—усердную службу, удостоенъ благословенія Святѣйшаго Синода; въ томъ же году въ августѣ мѣсяцѣ получилъ бронзовый крестъ въ память войны 1853—1856 годовъ; въ 1861 г. ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ награжденъ Камилавкою; въ 1865 г. іюня 4 дня, по удостоенію Святѣйшаго Синода, произведенъ въ санъ Протоіерея; 1866 г. сентября 10 дня, за пятидесятилѣтнюю безпорочную службу въ санѣ священника и протоіерея, пожаловалъ изъ кабинета ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА золотымъ, украшен-

нымъ драгоценными камнями, на золотой цѣпи, наперснымъ крестомъ,—рѣдкою и славною наградою въ средѣ блага духовенства. Не такъ было давно, но долго будетъ памятно замѣчательное торжество этого безпримѣрнаго юбилея простаго сельскаго пастыря, заслужившаго себѣ долговременною и истинно—пастырскою жизнію вниманіе и милость начальства, почтеніе и уваженіе духовенства, любовь и преданность своей паствы. Вотъ что, между прочимъ, писалось въ свое время объ этомъ юбилеѣ въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ (въ № 45 за 1866 г.): «Получивъ наперсный крестъ 5 октября 1866 г., Его Преосвященство въ тотъ же день сдѣлалъ распоряженіе препроводить его для поднесенія о. Протоіерею съ ключаремъ Саратовскаго кафедральнаго собора, священникомъ Василиемъ Ѳедоровымъ; на другой день утромъ, благословляя ключаря въ путь, Его Преосвященство вручилъ ему отъ себя икону— Ангела приносящаго молитвы святыхъ Богу,—съ собственноручною подписью: «Достопочтеннѣйшему о. Протоіерею Григорію Никифоровичу Терсинскому, въ память пятидесятилѣтняго служенія его въ санѣ священническомъ, съ любовью и уваженіемъ приносить на благословеніе Іоанникій Епископъ Саратовскій и Царицынскій». 9-го Октября, послѣ литургіи, предъ начатіемъ которой старецъ юбиляръ, со слезами облобызавъ, возложилъ на себя царскую награду,—Протоіерей города Волгска А. А. Росницкій въ рѣчи своей юбиляру, сказалъ, между прочимъ, слѣдующія слова, характеризующія дѣятельность покойнаго о. протоіерея: «Да возрадуется душа твоя, кроткій, умный и добрый пастырь, о радости твоей и нашей! Отъ всей души привѣтствуемъ тебя».

съ достиженіемъ пятидесятилѣтняго служенія твоего въ санъ священника и съ высокою царскою милостію! Саратовская епархія видитъ, въ лицѣ твоемъ, перваго юбиляра своего, и запишетъ имя твое на сврижальяхъ своей исторіи.— Не долгою только лѣтъ исполнено служеніе твое, но непрерывною, неутомимою дѣятельностію на стражѣ ввѣреннаго тебѣ словеснаго стада Христова, гдѣ преемственно и какъ-бы наследственно подвизались, тоже въ санѣ іереевъ, дѣды и отецъ твой. Ровно 40 лѣтъ, какъ я имѣю удовольствіе знать тебя, теперь маститаго старца, всегда добраго пастыря юношей и старцевъ. Каждогодно, посѣщала я, по дѣламъ миссіонерства, мирную и Богохранимую весь Терсу, и всегда видѣла: въ храмѣ—благообразіе и чинность, въ училищѣ—труды и успѣхи, среди православныхъ сыновъ церкви—любовь и уваженіе, и даже въ толпѣ ослѣпленныхъ расколомъ—почтительность въ тебѣ. И не мало привелъ ты, кроткимъ словомъ убѣжденія, смиреннымъ и трезвеннымъ образомъ жизни, во дворъ овчій—овець горохищныхъ, овецъ заблудшихъ;—даже и тѣ, кои еще коснѣютъ виѣ спасительнаго двора, во мракѣ суевѣрія,—и они отдають тебѣ честь, не имѣя ничего сказать противъ тебя укорно:— и это не въ одной Терсѣ, но и въ другихъ сопредѣльныхъ весяхъ, и въ г. Волгскѣ. Болѣе 30 лѣтъ назадъ, какъ здѣшній сіятельный владѣлецъ, по совѣщаніи съ тобою о заведеніи училища поселянскихъ дѣтей, все попеченіе о немъ ввѣрилъ тебѣ, опытному пастырю словеснаго стада. Православное духовенство г. Волгска, по вниманію къ твоимъ отмѣнно нравственнымъ качествамъ, мудрымъ и кроткимъ совѣтамъ, много лѣтъ уже имѣеть тебя своимъ духовнымъ

отцемъ. Не говоря объ отношеніяхъ твоихъ къ паствѣ и пастырямъ, не могу умолчать и о твоёмъ благословенномъ семействѣ: сыновья твои, воспитанные въ страхѣ Божіемъ, получили высшее духовное образованіе, и одинъ изъ нихъ, преуси́вая дарованіями и трудами на общую пользу, стоя на высокой степени церковно—гражданской службы, служить честію для тебя и духовнаго сословія нашего края; дочери твои, воспитанныя въ любви къ церкви Христовой, находятся въ замужествѣ за достойнѣйшими служителями алтаря Господня».

Родившись въ такое время (1792 году), когда было еще мало духовныхъ школъ и въ отдаленномъ разстояніи отъ мѣста его рожденія, какъ то, въ Казани и Астрахани, гдѣ были таковыя школы, покойный не могъ получить правильнаго и обширнаго образованія: чтеніе и письмо—вотъ все, чѣмъ ограничивалось образованіе тогдашняго времени въ духовныхъ семействахъ. Но обладая, при недостаткѣ образованія, свѣтлымъ и яснымъ умомъ, и особенною любознательностію, покойникъ, въ продолженіе всей своей жизни, пополнялъ недостатокъ образованія чтеніемъ книгъ преимущественно историческаго содержанія, такъ что, не говоря о священной исторіи, которую онъ отлично зналъ, онъ зналъ порядочно русскую гражданскую исторію (особенно любилъ онъ рассказывать о событіяхъ царствованія Императрицы Екатерины II-й, о турецкихъ войнахъ, о чумѣ, о Пугачевѣ, которыя были недалеко отъ него, и о 1812 годѣ). Даже за нѣсколько дней до смерти, онъ, не смотря на крайнюю слабость здоровья, занимался чтеніемъ всеобщей гражданской исторіи. Нужно замѣтить еще, что покойникъ

особенно любилъ партесное пѣніе, и съ ненасытимымъ наслажденіемъ слушалъ трехголосный концертъ: «Заступнице усердная».

Будучи отцемъ многочисленнаго семейства (всѣхъ дѣтей у него было—3 сына и 9 дочерей; одинъ сынъ и пять дочерей умерли въ ранней молодости), онъ, какъ человекъ благоразумный, старался объ образованіи дѣтей своихъ и дѣятельно занимался воспитаніемъ ихъ. Не говоря о мальчикахъ, даже и дочери его получили рѣдкое по тому времени образованіе; конечно, это образованіе нельзя назвать большимъ сравнительно съ настоящимъ, но бойкое чтеніе и правильное письмо, которыми отличались его дочери, было тогда рѣдкостью и роскошью для дѣвицъ духовнаго званія. Также дѣятельно занимался онъ и воспитаніемъ своихъ дѣтей: съ раннихъ лѣтъ старался внушать имъ *страхъ Божій*, который, по словамъ Премудраго, есть *начало премудрости* и основаніе всякаго правильнаго воспитанія, и внушалъ не столько словами, сколько своимъ примѣромъ;—такъ какъ онъ самъ имѣлъ этотъ страхъ въ сердцѣ, то и дѣти, видя въ немъ живой примѣръ благочестія, подражали ему. Онъ сильно любилъ своихъ дѣтей и всегда ласково обходился съ ними; но это дѣлалъ безъ слабости, а велъ дѣло такъ, что дѣти боялись его, боялись потому, что опасались оскорбить, или сдѣлать непріятное нѣжно любившему ихъ отцу. Однимъ словомъ, онъ въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ, соединялъ любовь съ властію, и исполнялъ слова Апостола Павла: *Пресвитеру подобаетъ быти... свой домъ добръ правящу, чада имущу въ послушаніи.* (1 Тим. 3 гл. 4 ст.). И Богъ благословилъ его семейство: изъ шести взрослыхъ

дѣтей его, двое сыновей неученаго, но любознательнаго, благоразумнаго и благочестиваго отца кончили курсъ въ Духовной Академіи, двѣ дочери вышли замужъ за профессоровъ семинаріи, двѣ другія— за лучшихъ воспитанниковъ семинаріи. *)

Говоря о характерѣ покойнаго, нельзя забыть о слѣдующей чертѣ его: никто не слышалъ отъ него никогда не только грубаго, но даже и не ласковаго слова; всякаго встрѣчалъ онъ и ко всякому относился съ ласковымъ вниманіемъ и участіемъ, и притомъ съ особенною вѣжливостію. Уже одно то, что говорили про него прихожане: «какой старый-то батюшка, добрый и кроткій... да что говорить, святой будетъ человѣкъ, —» лучше всего свидѣтельствуешь о его добромъ и кроткомъ характерѣ. Трудолюбіе и ревностное исполненіе долга также были его отличительною чертою.

Будучи еще въ селѣ уже съ слабымъ и разстроена-

---

*) Старшій сынъ покойнаго протоіерея, Иванъ Григорьевичъ Терсинскій, получилъ высшее образованіе въ Петербургской Духовной Академіи и, пробывши нѣсколько лѣтъ профессоромъ Саратовской семинаріи, поступилъ на службу въ С.-Петербургъ, и теперь состоитъ Завѣдующимъ Контролемъ при Святѣйшемъ Синодѣ, въ чинѣ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника. Младшій сынъ, Василій Григорьевичъ Терсинскій, получивши высшее образованіе въ Казанской Духовной Академіи, былъ Смотрителемъ Петровскаго духовнаго училища. Одна дочь покойнаго, Екатерина, вышла замужъ за профессора Саратовской семинаріи, Алексѣя Тимоѣевича Петровскаго, который впослѣдствіи былъ протоіереемъ Сергіевской церкви, членомъ консисторіи и смотрителемъ Саратовскаго духовнаго училища; другая, Пелагея, вышла замужъ за профессора Саратовской семинаріи Романа Львовича Левитскаго, находящагося теперь протоіереемъ въ городѣ Балаховѣ; третія, Евдокія, вышла замужъ за студента семинаріи Силуана Степановича Никольскаго, бывшаго священникомъ Саратовской Стрѣтенской церкви; четвертая, Прасковья, вышла замужъ за священника села Елтони, Петра Карповича Альбанова.

нымъ здоровьемъ (грудною болѣзнію и раздробленною ногою), онъ никогда неотказывался отъ исполненія требъ (при молодомъ товарищѣ) и никогда не жаловался на трудность, всё исполняя съ любовію и ревностію христіанскою. Часто, въ холодную зимнюю ночь, отправлялся онъ въ деревню верстъ за 7 или 8 отъ села для требоисправленія, и никто при этомъ изъ домашнихъ никогда не слышалъ отъ него словъ досады или жалобы на трудность. На увѣщанія родственниковъ и знакомыхъ оставить службу и удалиться, какъ обыкновенно выражаются, «на покой», онъ обыкновенно говорилъ словами пророка Давида: *пою Богу моему дождеже есмь*. Точно также ревностно исполнялъ онъ свой долгъ и въ городѣ, не смотря уже на окончательно разстроенное здоровье; и здѣсь, во всякое время дня и ночи, безропотно отправлялъ требы, даже тогда, когда уже едва могъ ходить, такъ что его большею частію водили подъ—руки. Даже за нѣсколько дней до смерти, огорченный смертію любимаго внука, онъ хоронилъ генераль лейтенанта Лобко (7-го сентября). Безроптность и покорность волѣ Божіей были поистинѣ удивительны! Когда ему указывали на тяжкую боль въ ногѣ (отъ перелома и ушиба), на грудную боль, то онъ съ смиреніемъ отвѣчалъ: «на это воли Божія, такъ Богу угодно».

Это былъ пастырь и отецъ своей паствы, и паства глубоко любила и уважала своего пастыря; даже раскольники, которыхъ много было въ селѣ и которые не такъ любятъ православныхъ пастырей, и тѣ глубоко любили и уважали его. Всякій въ своей горести находилъ у него слово участія и христіанскаго утѣшенія! Какъ онъ относился къ своей паствѣ и

какъ паства относилась къ нему, лучше всего показываетъ слѣдующій фактъ. — Когда онъ, по обстоятельствамъ, переходилъ въ г. Саратовъ, то прихожане, услышавши объ этомъ, со слезами умоляли его не покидать ихъ и, недовольствуясь частными просьбами, послали къ нему депутацію изъ властей села, которая, явившись къ нему, со слезами умоляла его не покидать свою паству. Жалко было ему разставаться съ любимую паствою, но сироты требовали его помощи! Въ Саратовѣ, въ новомъ приходѣ, гдѣ онъ былъ не болѣе трехъ лѣтъ, также всѣ прихожане скоро полюбили его, за его добрую жизнь и благоговѣйное служеніе, и радовались такому доброму пастырю.

Отпѣваніе покойнаго о. протоіеря было 27 сентября въ субботу, при огромномъ стеченіи народа; за отсутствіемъ Преосвященнаго, бывшаго въ Кіевѣ на юбилей Духовной Академіи, отпѣвалъ покойнаго, со всѣмъ почти градскимъ духовенствомъ, кафедральный протоіерей М. С. Воронцовъ; проповѣдь надъ покойнымъ говорилъ о. протоіерей Вознесенско-Сѣиновской церкви Г. В. Любомудровъ. Темою проповѣди удачно избраны были слова изъ Іова: *Внидеши во гробъ, якоже тиеница созрѣлая, во время пожатая* (Іова 5, 26 ст.). Особенно трогательно было въ проповѣди то мѣсто, гдѣ проповѣдникъ обратился къ одной изъ его дочерей, — вдовѣ, недавно схоронившей мужа, Протоіеря Алексѣя Тимоѣевича Петровскаго, нѣсколько дней назадъ схоронившей первенца сына, только лишь кончившаго курсъ Петербургской Академіи, В. А. Петровскаго, и теперь провождавшей на вѣчный покой отца. «Начавши послѣднюю мою бесѣду съ почившимъ собратомъ словами друга Іовлева, мнѣ не хотѣлось бы, въ присутствіи твоёмъ, христіюлюбивая крестonosица,

произносить послѣднихъ двухъ словъ, мною сейчасъ сказанныхъ: знаю, что эта пшеница вовсе не вовремя для тебя пожата. Тебѣ, безъ сомнѣнія хотѣлось, чтобы она еще позрѣла, еще постояла бы на корнѣ... Да и какъ не хотѣть?—Вѣдь это была твоя опора и утѣшеніе, твоя надежда и отрада въ скорбной твоей жизни... Свѣжа еще могила мужа твоего, не совсѣмъ вышель еще изъ комнатъ кадильный оміамъ по смерти сына, на помощь котораго ты, по предположенію человѣческому, могла рассчитывать,—и, вотъ новая рана для больнаго сердца твоего,—смерть отца! Тяжело!...» Касаясь послѣдняго періода службы почившаго о. протоіерея, проповѣдникъ сказалъ: «Почувствительна для насъ, братіе-отцы, жизнь почившаго нашего собрата и въ послѣдній ея періодъ: въ періодъ дряхлости и постепеннаго изнеможенія силъ. Кто изъ насъ не знаетъ, что бодрый духомъ старецъ не оставлялъ своего служенія церкви чуть не до послѣдняго дня своей жизни; какою пламенною любовію горѣло его сердце къ Господу Богу и при разрушающемся тѣлѣ; съ какою вѣрою и благоговѣйнымъ трепетомъ, со слезами радости и умиленія приступалъ онъ каждый разъ къ спасительной чашѣ Тѣла и Крови Христовой; какъ часто и усердно, днемъ и ночью изливалъ онъ душу свою въ молитвѣ къ Всевышнему!... Съ какою вѣрою и упованіемъ отошелъ онъ къ воззвавшему его Пастыреначальнику!... О, далъ бы Богъ и намъ провести и окончить жизнь такъ-же по христіански, какъ провелъ и окончилъ ее онъ! Далъ бы Богъ и намъ, подобно ему, удостоиться *внѣсти во гробъ, якоже пшеница созрѣлая, во время пожата.* Приидите, братіе, послѣднее дадимъ цѣлованіе кроткому и смиренному,

исполненному жизни и добрыхъ дѣлъ, умершему
нашему собрату, и возопимъ безсмертному Царю:
Господи! вѣчныхъ твоихъ благъ сподоби преставив-
шагося отъ насъ протоіерея Григорія, упокояя его
въ нестарѣющемъ блаженствѣ Твоемъ. (Погреб. свящ.
стихъ 4).

А. Л.
